

утвердили судьбу государствъ. Голосъ исторіи не должно спускать на тоны скучныхъ мелочей. Править онымъ можетъ къ притяженію нашего любопытства едино то, что заслуживаетъ вниманіе всѣхъ временъ, изображаетъ дарованіе и нравы людей, въ примѣръ и къ наставленію будущихъ родовъ. Посему желаю увидѣть въ новомъ сочиненіи историка мыслящаго и, что еще рѣже, со вкусомъ, чего не имѣлъ трудолюбивый князь Щербатовъ ¹⁾: написалъ премного, чтобы не читали. Мое мнѣніе привязано къ эпохѣ Петра Великаго, потому что отъ времени царствованія его Россія непрерывно восходитъ въ гору. Не оспариваю важности предыдущихъ тому происшествій, что царь Іоаннъ, при ослабленіи чингизскаго поколѣнія, овладѣлъ Казанью, нанесъ ударъ шведамъ и литовцамъ. Занятіе Сибири, присоединеніе Малороссіи суть значущія дѣла. Но вспомни, какъ вверхъ дномъ обращалось, и до какихъ бѣдъ въ свою очередь шведы и поляки властвовали. А по двумъ послѣднимъ случаямъ мало пищи для историковъ, а больше для географовъ. Писателю просвѣщенному довольно было бы одной страницы, чтобы наши всѣ матеріалы на времена до Петра Перваго вмѣстить въ одну. Но еще не перевелись, и не такъ скоро пройдутъ любители книгъ за толщину оныхъ. Впрочемъ, древнія начала всѣхъ государствъ суть темная ночь, которую я просыпаю безъ сказокъ и безъ сновидѣній, убѣдившись въ томъ всемірною исторіею“.

Въ этихъ мысляхъ Завадовскаго замѣтно одновременное вліяніе латинскихъ классиковъ и французскихъ писателей литературы просвѣщенія. Эпоха французской революціи была временемъ протеста противъ средневѣковой исторіи. Страсть къ занятіямъ послѣднее развивается нѣсколько позже въ связи съ борьбою противъ французской революціи и Наполеона. Завадовскій, не дожившій до этой эпохи реакціи въ области политики, церкви, литературы, искусства, былъ нѣкоторымъ образомъ космополитомъ; національное значеніе исторіографіи для него какъ бы не существовало. Между тѣмъ какъ въ послѣдствіи, и даже очень скоро послѣ кончины Завадовскаго, между прочимъ, Карамзинъ сдѣлался сторонникомъ національнаго начала въ исторіи, и потому не безусловно одобрялъ эпоху реформы Петра Великаго, представители вѣка просвѣщенія и космополитизма, какъ, напр., С. Р. Воронцовъ или Завадовскій, ставили чрезвычайно высоко дѣятельность царя-преобразователя. Современники Екатерины, при чтеніи сочиненія Голицева о Петрѣ

¹⁾ „Исторія Россіи“ князя Щербатова, въ пяти томахъ, явилась въ 1770—92 гг.